

Журнальное обозрѣніе.

Миръ Божій, Русск. Мысль, Русск. Богатство, Новое Слово, Научное обозрѣніе.

(Октябрь).

Последнее время на страницахъ нѣсколькихъ толстыхъ журналовъ чаще и чаще появляется имя М. Горькаго, хорошо знакомое читателямъ *Ниж. Лист.* Рассказы, подписанные этимъ именемъ, отличаются такою свѣжестью дарованія и оригинальностью содержания, что хотѣлось-бы подробнѣе остановиться на нихъ, если-бы этому не препятствовало то обстоятельство, что *Н. Лист.*, помѣстившій не мало мелкихъ очерковъ этого автора, считаетъ его въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Но да будетъ позволено хоть въ общихъ чертахъ отмѣтить наиболѣе характерное и симпатичное въ этихъ рассказахъ, конечно замѣченныхъ нашими читателями.

Сюжеты ихъ преимущественно взяты изъ быта привилѣгированной „золотой роты“, городской бѣдноты. Сами по себѣ сюжеты этого рода не представляютъ чего-либо особо новаго, но ново отношеніе къ нимъ автора. Это не рассказы посторонняго наблюдателя, хотя бы и гуманно сочувствующаго нищетѣ и неизлечимой горю боснякаго быта, а подлинно пережитыя и перечувствованныя настроенія: нельзя ни на минуту усумниться въ этомъ, такъ живы, реальны всѣ фигуры, намѣченныя авторомъ въ его наброскахъ и очеркахъ. Каждый изъ его персонажей живетъ собственною ему одному свойственною жизнью. Каждый очеркъ затрагиваетъ—безъ малѣйшаго пополюзованія на публицистическую проповѣдь—не одна больное мѣсто нашей общественной жизни и психологія современнаго человека, котораго авторъ, повидимому, самъ того не замѣчая, открываетъ въ обиходномъ судьбѣ, ослабшемъ и опустившемся боснякѣ, съ его душевною тоскою и неудовлетворенностью, порывами, разрывающимися ничѣмъ. Искренность чувства, живое и любовное отношеніе къ жизни и природѣ съ отблескомъ поэтического пессимизма, наконецъ тонкій, часто неожиданный юморъ,—также не последнее, что невольно влечетъ къ себѣ въ этихъ своеобразныхъ рассказахъ, такихъ небрежныхъ съ виду по формѣ и по цѣли, преслѣдуемой авторомъ...

Послѣ этихъ восторженныхъ набросковъ, въ которыхъ теплится огонекъ свѣжаго таланта, не хочется какъ-то переходить къ беллетристамъ, уже завоевавшимъ себѣ „имя“ и повсюду заполняющимъ журналы водянистыми пудовыми повѣстями и романами. По долгу обозрѣвателя приходится однако отмѣтить, что въ октябрьской книжкѣ *Мира Божьяго*, пришедъ къ концу одна такая „романъ“ отъѣнно данный, длинный, правоудительный и чинный: „Живая жизнь“ г. Потапенка. „Живая жизнь“—растянутое повѣствованіе о томъ, какъ учился нѣкоторый

мыслящій семинаристъ въ университетѣ, сталъ врачомъ и женился на поповнѣ, тоже благородно мыслящей курсисткѣ, а потомъ побѣхалъ жать и практиковаться въ деревню. Болѣе похожи на живыхъ людей, а не на маріонетокъ, мимоходомъ намѣченные типъ и намѣченъ въ романѣ въ лицѣ аскета Лозовскаго, блестящаго академика, который кончилъ смертью странника въ будкѣ на кладбищѣ, но и тутъ столько ходячаго и придуманнаго—особенно въ исторіи роковой страсти Лозовскаго къ пѣвицѣ,—что читатель чувствуетъ порою досаду. А между тѣмъ аскетическая, подвижническая струйка и до сихъ поръ замѣтна въ нашихъ общественныхъ теченіяхъ и самъ по себѣ аскетическій типъ могъ-бы стать предметомъ дѣйствительно яркаго художественнаго изображенія.

Затѣмъ отъ беллетристики перейдемъ къ нѣкоторымъ другимъ явленіямъ текущей журналистики.

Недавно заговорили о возможности заключенія франко-русской конвенціи, которая уже имѣетъ и своихъ горячихъ защитниковъ, и порицателей. Съ принципиальной точки зрѣнія, конечно, заключеніе конвенціи для защиты правъ писателей, трудомъ которыхъ пользуются издатели переводовъ, справедливо, но дѣло въ томъ, что запрещеніе изданія переводовъ безъ согласія авторовъ, крайне вредно отозвалось-бы на книжномъ дѣлѣ въ Россіи, такъ какъ мы все еще пользуемся широко заграничною книгою, и настоящая нужда въ ней едва ли скоро исчезнетъ. Г. Южаковъ въ *Рус. Бол.* задался мыслью, нѣтъ-ли средняго выхода изъ этого положенія, который, не нарушая интересовъ заграничныхъ авторовъ, не повредилъ-бы и распространенію въ Россіи просвѣтительнаго ихъ вліянія. Дѣло въ томъ, что международная бернская литературная конвенція, примкнуть къ которой приглашаютъ и Россію, носитъ монополичный характеръ. Согласно ей, только авторъ или его представитель и могутъ разрѣшить переводъ книги тому или другому лицу, а это, подымая цѣну изданія переводовъ, неминуемо сокращаетъ распространеніе книги въ той иностранной странѣ, которая присоединилась къ конвенціи. Американцы нашли изъ этого такой выходъ: они оказываютъ полное покровительство каждому иностранному автору, который издаетъ свою книгу, одновременно съ появленіемъ ея на роднѣ или раньше, и въ Соединенныхъ Штатахъ, и только это туземное изданіе и защищается; и здѣсь слѣдовательно авторъ долженъ стать монополистомъ. При этомъ установившемся (особенно во Франціи) взглядѣ на литературныя права, какъ на полную, монопольную собственность, не мыслимо согласовать справедливый интересъ авторовъ монополистовъ съ неменѣе справедливымъ интересомъ странъ, вводящихъ къ себѣ заграничную литературу. Выходъ г. Южа-

ковъ находитъ въ принципѣ, устанавливаемомъ итальянскимъ законодательствомъ относительно права наслѣдованія литературной собственности: именно, въ Италіи, по истеченіи срока полного права пользованія унаслѣдованною литературною собственностью, существуетъ еще срокъ, втеченіе котораго всякій желающій можетъ издавать сочиненіе, но обязанъ уплачивать законнымъ наслѣдникамъ пять процентовъ съ объявленной цѣны изданія. Это-же самое начало г. Южаковъ предлагаетъ приложить и къ международной литературной конвенціи. Такимъ образомъ, каждый иностранный авторъ получалъ-бы въ Россіи со всѣхъ издателей переводовъ его сочиненія извѣстный процентъ, и этимъ дѣло-бы и ограничилось: переводчики не были-бы стѣснены обязательствомъ входить въ соглашенія съ авторами, и вмѣстѣ съ тѣмъ не произошло-бы замѣтнаго увеличенія цѣны переводной книги.

Переводы, однако, такъ запленили нашъ книжный рынокъ, что это увеличеніе стоимости изданія переводовъ уравнило-бы, на нашъ взглядъ, шансы авторовъ оригинальныхъ и переводчиковъ находить себѣ издателей. Проектъ г. Южакова, во всякомъ случаѣ, по простотѣ и удобоисполнимости, заслуживаетъ полного вниманія, и крайне желательно, чтобы за разсмотрѣніе возможности конвенціи именно въ такой формѣ обратили вниманіе литературныя и художественныя общества, въ особенности „союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“, который, какъ сообщаютъ газеты, и намѣренъ уже заняться детальнѣе обсужденіемъ этого вопроса.

Возвращаясь къ журналамъ, приходится констатировать, что всѣхъ другихъ вопросовъ они обсуждаютъ довольно, очень даже довольно; одна-горе: нерѣдко эти обсуждения сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ, и въ кон-то годы приходится увидѣть, чтобы теоретическое обсужденіе вопроса переходило и на практическую почву такъ, какъ того хотѣлось-бы. Всѣ наши журналы теоретически разсужденія до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ остаются совершенно академичными, а тѣмъ болѣе безпочвенны остаются пререканія журналовъ между собою. Читатель, кажется, давно отвыкъ уже придавать серьезное значеніе журнальной и газетной полемикѣ, обостряющейся какъ разъ передъ подпиской. Особенно отличаются этимъ въ концѣ каждаго года нѣкоторыя газеты, которыя откровенно обливаютъ конкурентовъ грязью и доносами. Журналы держатъ себя въ этомъ отношеніи приличнѣе, и пререканія поднимаются болѣею частью теоретическаго свойства, ожесточенныя и яростныя, и даже тѣмъ ожесточеннѣе и яростнѣе, чѣмъ менѣе имѣетъ значенія, благодаря многимъ часто вышнимъ условіямъ, печатное слово о предметѣ спора. Таковы, напр., въ значительной своей части споры „экономическихъ матеріалистовъ“ и „народниковъ“ о русскомъ общественномъ хозяйствѣ, на развитіе котораго едва-ли они въ чемъ могутъ повліять.

Споры изъ-за „экономическаго материализма“ еще очень недавно были такъ жарки и остры. Отголоски этой ожесточенности, въ которой съ обѣихъ сторонъ сказано было не мало лишняго, продолжаютъ еще быть слышны, и, кажется, къ новому году читателю предстоитъ еще разъ быть зрителемъ, какъ будутъ снова ломаться, если не копы, то перья и летѣть потоки, если не крови, то чернила и типографской краски. Нельзя, однако, не признать, что самый жаркій періодъ борьбы миновалъ; наступило время болѣе спокойнаго отношенія къ противникамъ. Октябрьская книжка *Новаго Слова* составлена далеко не въ томъ задорномъ полемическомъ тонѣ, какъ предыдущія книжки, что и лучше, конечно, — и болѣе можетъ содѣйствовать правильному уразумѣнію и распространенію новаго мировоззрѣнія. Мы держимся того мнѣнія, что и вообще полемика, напр., между такими близкими во многихъ отношеніяхъ противниками, какъ *Новое Слово* и *Русское Богатство*, — не тактична.

Со времени перехода *Новаго Слова* въ руки новой редакціи, произошла существенная перемѣна и въ другихъ журналахъ. Такъ, *Миръ Божій* и *Научное Обозрѣніе* въ очень многихъ существенныхъ пунктахъ становятся на точку зрѣнія редакціи *Новаго Слова*. Это можно объяснить, кажется, тѣмъ, что теперь, при собственномъ журналѣ, новое направление освобождается отъ кое-какихъ весьма смущавшихъ крайностей. Можно надѣяться, что редакція и сама вполне уразумѣетъ, что теперь положеніе „марксизма“ уже существенно перемѣнилось, и фактическими доказательствами — въ родѣ дѣльных и убѣдительныхъ статей Туганъ-Барановскаго „Борьба фабрики съ кустаремъ“ — будетъ сдѣлано гораздо больше, чѣмъ лично полемикою съ гг. Михайловымъ, Карповымъ и т. п.

Мы упомянули объ освобожденіи нашего „экономическаго материализма“ отъ крайностей. Дѣйствительно, при каждомъ удобномъ случаѣ сторонники его обѣими руками отрещиваются теперь, напр., отъ подозрѣній, что они отвергаютъ значеніе психическаго фактора въ общественной эволюціи. Такъ, г. Струве въ рецензіи на извѣстные „Очерки по исторіи русской культуры“ заявляетъ:

„Мы вполне подписываемся подъ словами г. Милюкова: для самаго „экономическаго материализма“ связывать свою судьбу съ философскимъ материализмомъ и неудобно, и бесполезно. Неудобно — потому, что философскій материализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій материализмъ вполне совмѣстимъ и съ другими монистическими мировоззрѣніями. Бесполезно же потому, что „материальный“ характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся; на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономіи происходятъ въ той же психической „средѣ“, какъ и всѣ другія явленія обществѣнности“ (ч. II, стр. 3) (*Н. Слово*, октябрь, II отд. стр. 92).

Подобныя, довольно часто повторяемыя

заявленія представляются на нашъ взглядъ довольно существенными. Книга Бельтова, одно изъ наиболѣе шумныхъ заявленій марксизма о себѣ, какъ извѣстно, именно и ставила въ преемственную связь экономическій материализмъ и философскій, выводя первый изъ второго. Съ другой стороны болѣе всего и вызывало недоразумѣній грубо-материальное представленіе объ экономическомъ факторѣ, которое поддерживалось въ значительной степени невозможностью высказываться по многимъ пунктамъ вполне точно и опредѣленно. Въ извѣстной комедіи Соловьева и Островскаго „Дикарка“, героиня нападаетъ на своего поклонника, обзывая его со словъ стараго „идеалиста“ — „грубымъ материалистомъ“. „Да ты знаешь ли, что такое материализмъ?“ — „Это то, что все грубо“ говоритъ, — отвѣчаетъ дикарка. Приблизительно такую глупенькую „дикарку“ и изображаетъ у насъ при спорахъ „экономическихъ материалистовъ“ и „народниковъ“ публика. Извиняющимъ ей обстоятельствомъ только и можетъ служить то обстоятельство, что въ средѣ самихъ сторонниковъ новаго направленія, только теперь получившихъ возможность спокойнаго развитія взглядовъ, происходитъ нѣкоторая эволюція, въ которой не всегда легко разбраться при поверхностномъ знакомствѣ съ цѣлымъ этимъ направленіемъ. Къ чему придетъ эта эволюція, пока неизвѣстно. Вѣрно, кажется, только то, что та группа „марксизма“, которая держитъ въ рукахъ *Новое Слово*, отрѣшается отъ тѣхъ ненужныхъ рѣзкостей, которыми мѣшали многимъ подать ей руку, и общается съѣздитъ журналъ дѣйствительно интереснымъ и цѣльнымъ органомъ, къ голосу котораго можно будетъ всегда прислушиваться съ вниманіемъ.

Для дальнѣйшаго выясненія дѣла, замѣтимъ кстати, крайне желательно было бы устранить и то, несомнѣнно, широко распространенное недоразумѣніе, по которому нашъ „марксизмъ“ кажется многимъ защитникомъ капитализма во имя интересовъ *капиталистовъ*.

На черезъ чуръ горячихъ единомышленниковъ материалистическаго воззрѣнія на исторію, между прочимъ, указывается въ интересныхъ воспоминаніяхъ Эвелинга о Дарвинѣ и Марксѣ (*Научное Обозрѣніе*, октябрь). Относящееся сюда мѣсто, какъ и вышецитированное заявленіе г. Струве, будетъ нѣкоторою неожиданностью для тѣхъ, кто всю эту теорію представляетъ себѣ въ видѣ убѣжденій этихъ людей, усердныхъ не по разуму.

„Материалистическое воззрѣніе на исторію утверждаетъ, что важнѣйшимъ первоначально дѣйствовавшимъ факторомъ въ развитіи народа или общества являются экономическія условія, т. е. тѣ способы, при помощи которыхъ народъ или общество производитъ и обмѣниваетъ свои произведенія. Если мы захотимъ понять исторію Рима, Испаніи, Англіи, если мы хотимъ понять, почему социальныя условія въ Римѣ, Испаніи или Англіи имѣли въ данное время тотъ или

другой видъ, то сообразно съ этимъ воззрѣніемъ мы должны изслѣдовать условія, при которыхъ древніе римляне, или англичане производили и обмѣнивали свои произведенія. Не надо упускать изъ виду, что по теоріи Маркса экономическія условія являются лишь въ послѣдней инстанціи движущими силами историческаго развитія. На это необходимо особенно напирать въ виду того, что многіе изъ нашихъ единомышленниковъ изъ слишкомъ большаго усердія, будучи воодушевлены теоріей, провозглашаютъ, что экономическія условія являются *единственными* движущими силами исторіи. Но въ то время, какъ условія эти являются первично дѣйствующими силами, они приводятъ въ дѣйствіе другіе факторы, которые являются рефлексами первыхъ, такъ что и факторы эти въ свою очередь оказываютъ воздѣйствующее вліяніе на первоначальныя силы, на экономическія условія. Такимъ образомъ мы получаемъ тонкую сеть различныхъ зависимостей, связей, воздѣйствій и взаимодействій тѣхъ и другихъ факторовъ. Хотя искусство, наука, литература, религія, нравы и законы и т. д. развиваются подъ вліяніемъ экономическихъ условій данной страны, необходимо считаться съ историческимъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ на социальное развитіе“.

Интересны указанія на всесторонніе интересы Маркса, которые, быть можетъ, и помѣшали бы ему сказать, что экономическій факторъ въ исторической эволюціи единственный. „Дарвинъ былъ исключительно біологомъ“, — говоритъ Эвелингъ. — „Ему было трудно читать что-нибудь на другомъ языкѣ, кромѣ родного, и, насколько мнѣ извѣстно, онъ говорилъ только по-английски. Онъ самъ мнѣ сознался, что много лѣтъ не читалъ Шекспира. Онъ мало интересовался политической экономіей. Марксъ же читалъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и говорилъ одинаково превосходно по-нѣмецки, по-французски и по-английски. Онъ былъ основательно знакомъ съ литературой всѣхъ странъ. Что касается Шекспира, то это былъ „богъ“, которому онъ поклонялся“. Онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Эмерсономъ: „Я радуюсь всегда, когда встрѣчаю людей, убѣжденныхъ въ превосходствѣ Шекспира надъ всѣми другими писателями“. Марксъ интересовался всякимъ родомъ искусства. Онъ принадлежалъ къ первымъ, узнавшимъ „превосходство Ирвинга надъ всѣми другими актерами“ Англіи. Съ глубокимъ пониманіемъ онъ слѣдилъ за развитіемъ различныхъ наукъ. Такъ, напримѣръ, онъ основательно былъ знакомъ со всѣми сочиненіями Дарвина. Онъ оставилъ записныя книжки, наполненныя записями по химіи. Въѣсто отдыха онъ занимался математикой... Человѣкъ, такъ цѣнившій литературу, искусство, науку, конечно, не могъ бы создать теоріи въ томъ грубомъ видѣ, отъ котораго отрещиваются теперь ея сторонники.

Ч. Вѣтринскій.